

097

ПОЦЕЛУЙ

ЭЛИЗАБЕТ БЕВЕРЛИ

Щедрый дар

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Элизабет Беверли

Щедрый дар

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Бевеpли Э.

Щедрый дар / Э. Бевеpли — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06541-4

Грейси Самнер работает официанткой в одном из бистро Сиэтла, чтобы оплачивать учебу в колледже. В один из летних вечеров в бистро наведывается следователь по делам наследств и завещаний и сообщает Грейси, что она стала обладательницей четырнадцати миллиардов долларов. Как оказалось, скромный сосед девушки – телемастер на пенсии по имени Гарри на самом деле был очень богатым человеком и все свое состояние завещал именно ей, зная, что Грейси сумеет достойно распорядиться деньгами. Сын миллиардера, Гаррисон Сейдж, уверен, что мисс Самнер – охотница за деньгами, втершаяся в доверие к беспомощному старику. Он решает разоблачить мошенницу и начинает следить за девушкой, однако, сам того не желая, с каждым днем все больше влюбляется в новоявленную наследницу...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06541-4

© Бевеpли Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Элизабет Беверли

Щедрый дар

ELIZABETH BEVARLY

Only on His Terms

Copyright © 2015 Elizabeth Bevarly

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

*Посвящается Ванде Оттевел с множеством благодарностей и
теплыми воспоминаниями, которым нет числа*

Пролог

Грейси Самнер своего рода продолжательница династии официанток. Ее мать на протяжении тридцати лет работала в популярной сети ресторанов, бабушка обслуживала людей за барной стойкой сверкающего серебристыми огнями кафе на Великом белом пути¹. Вообще говоря, традиция эта восходила к прапрапрабабушке, которая приветствовала пассажиров поездов, следовавших на запад, в одном из салунов Денвера. Возможно, именно Грейси сделала семейное ремесло несколько престижнее, найдя работу в четырехзвездочном бистро, получившем одобрение авторитетного рейтинга Загат, однако интуиция и мастерство профессии в немалой степени унаследовала на генетическом уровне, как темно-медовые волосы и карие глаза.

Именно природное чутье подсказало ей, что джентльмен с серебристо-седыми волосами за пятнадцатым столиком кафе «Судьба» в Сиэтле пришел не только чтобы отведать говядины, тушенной с овощами.

Он вошел, как раз когда подходила к концу дневная смена, пожелал расположиться именно в той зоне, которую обслуживала она. Завел с ней разговор. У Грейси появилось тревожное чувство, будто он знает ее. Однако ни сам джентльмен, ни имя Беннет Тэрент, что значилось на кредитной карте, не показались знакомыми. Впрочем, стоит ли удивляться. Судя по безупречному, сшитому на заказ костюму и платиновой карте, он, очевидно, человек весьма состоятельный. Полная противоположность Грейси, которая, усердно работая, с трудом собирала деньги на учебу в колледже, где предстояло отучиться еще три семестра, получить диплом и степень бакалавра по специальности «дошкольное образование».

– Прошу вас, мистер Тэрент. – Она положила папку со счетом на стол. – Надеюсь, вы еще не раз посетите наше кафе.

– Собственно говоря, мисс Самнер, есть определенная причина, по которой я пришел сюда сегодня.

Их взгляды пересеклись. Грейси имела обыкновение называть свое имя клиентам, но фамилию, несомненно, никогда не произносила. Она насторожилась.

– Полагаю, это наша фирменная говядина, тушенная с овощами. Что ж, действительно самое популярное блюдо в нашем меню.

– Оно и вправду невероятно вкусное. Однако я пришел встретиться с вами по поручению моего клиента. Сначала искал вас на квартире, но домовладелица любезно сообщила, что вы на работе.

Ах, эта славная старушка миссис Манчини. Грейси всегда могла положиться на нее в том, чтобы ни одно обстоятельство частной жизни не осталось в секрете.

Мистер Тэрент запустил руку во внутренний карман пиджака и извлек серебристую коробочку, протянул Грейси визитную карточку. «Тэрент, Файвер и Твигг». И адрес в Нью-Йорк-Сити. Председатель и старший следователь по делам наследств и завещаний. Впрочем, этот набор слов ни о чем не говорил. Она снова взглянула на него:

– Прошу прощения, не понимаю, о чем речь. Что значит следователь по делам наследств?

– Я поверенный. Моя компания одна из немногих, утвержденных штатом Нью-Йорк на совершение необходимых действий в случае, если кто-то отходит в мир иной не оставив завещания, или если лицо, назначенное наследником, не представляется возможным отыскать. В подобных обстоятельствах мы устанавливаем, кому принадлежит право наследования.

Замешательство не покидало Грейси, даже усиливалось.

---

¹ Великий белый путь – участок Бродвея (Нью-Йорк, Манхэттен), который проходит по Театральному кварталу.

– Я по-прежнему ничего не понимаю. Моя мать умерла в Цинциннати, состояние, что она оставила, истрачено уже много лет назад.

Откровенно говоря, тратить было особенно нечего. Того, что Мэриан Самнер оставила дочери, хватило на то, чтобы оплатить четыре месяца проживания в скромно обставленной однокомнатной квартирке. Впрочем, Грейси и за это была ей искренне благодарна.

– Наша фирма уполномочена разыскать вас не ради наследства вашей матери. Вы знали человека по имени Гаррисон Сейдж?

– Боюсь, что нет.

– А как насчет Гарри Сагаловски?

– О да, конечно. Я знакома с Гарри. Когда я жила в Цинциннати, его квартира располагалась напротив моей. Он был очень хорошим приятным человеком.

Ее охватили теплые воспоминания. Гарри уже жил в квартире на верхнем этаже отреставрированного дома Викторианской эпохи, когда Грейси переехала туда после смерти матери. Они на удивление быстро подружились. Гарри играл роль дедушки, которого у нее никогда не было, она же стала ему внучкой, которой не было у него. Приобщала его к современному, познакомила с творчеством Д. К. Роулинг и музыкой Бруно Марса, научила проходить миссии в компьютерной игре Call of Duty. Он заставил ее запоем читать Патрицию Хайсмит и слушать Майлза Дэвиса, научил танцевать фокстрот, посвящая в прекрасное своего времени. Она оставила воспоминания, вернувшись к происходящему.

– Он умер два года назад. А я уже достаточно долго не живу в Цинциннати, но до сих пор, возвращаясь с работы, в глубине души невольно жду, что он приоткроет свою дверь и станет рассказывать, как только что достал фильм «Африканская королева» или приготовил слишком много чили для одного. Знаете, я скучаю по нему. Очень скучаю.

– Мистер Сагаловски тоже очень вас ценил и упомянул в своем завещании, как установлено совсем недавно.

Грейси улыбнулась, услышав это. Несмотря на то что квартира Гарри была полна многочисленных вещей, разнообразных, самобытных и экстравагантных, едва ли они могли представлять хоть какую-то ценность. После его смерти она помогала домовладельцу собирать и упаковывать все это, но никто так и не заявил свои права на имущество. Гарри никогда не упоминал о своей семье, она даже не знала, с кем связаться, чтобы сообщить о его кончине. Домовладелец решил все выбросить, но она предложила арендовать ячейку в камере хранения. Да, пришлось бы затянуть пояс еще туже, но она не могла допустить мысли о том, что вещи Гарри окажутся на свалке и превратятся в труху, и до сих пор платила за ячейку. Ее глаза засветились надеждой. Быть может, теперь мистер Тэрент поможет передать их в руки кого-то из ближайших родственников.

– К сожалению, должен признаться, мне пришлось потратить немало времени, чтобы найти вас.

– Примерно полтора года назад я уехала из Цинциннати. Спонтанное решение.

– Вы даже не оставили нового адреса?

– Хм... понимаете, я тяжело переживала разрыв с молодым человеком, мне показалось, что пришло время начать все сначала. Мама и Гарри больше не было, большинство друзей, окончив школу, разъехались. Меня больше ничего не связывало с этим местом.

Мистер Тэрент кивнул, но у нее создалось впечатление, что ему не интересны эти подробности.

– Если у вас найдется сегодня немного свободного времени, мы сможем обсудить наследство мистера Сагаловски и то, как оно может изменить вашу жизнь.

Грейси едва не рассмеялась над его словами. Он говорил о Гарри так, словно тот был каким-нибудь чокнутым Говардом Хьюзом, тайно скопившим состояние, в то время как сам носил коробки с салфетками вместо обуви.

– Здесь неподалеку есть кофейня «Мокко у Мими». Мы могли бы встретиться там минут через двадцать.

– Превосходно. Нам предстоит многое обсудить.

Глава 1

Трейси выбралась из двухместного «ягуара» мистера Тэрента у дома Гарри, который он покинул пятнадцать лет назад. Теперь дом принадлежал ей. Едва ступив на землю, она попыталась взять себя в руки и не волноваться, возможно, все не так и запущено. Постаревшие от дождей и ветров дощатые стены обладают определенной прелестью. А дорога, усыпанная мелким шуршащим гравием, просто восхитительна. Подумаешь, размеры поместья отличаются от того, что она ожидала увидеть. И не беда, если благоустройство обширной территории потребует непомерных усилий. Нет, с домом все будет в порядке. Он станет чудесным.

Поместье действительно оказалось совершенно очаровательным. К тому же располагалось на острове Лонг-Айленд вдоль линии берега и, кажется, стоило много-много-много миллионов долларов. Бог мой, в этот старый дом могли бы уместиться Объединенные Арабские Эмираты, и еще осталась бы свободная комната для Люксембурга. Несмотря на безмятежную гладь океана, сверкавшую в солнечном свете, и соленый июньский бриз, ласкавший лицо, Грейси вновь ощутила головокружение. С тех пор как она познакомилась с мистером Тэрентом на прошлой неделе, это ощущение стало привычным. Встреча в «Мокко у Мими» завершилась тем, что Грейси прятала голову в колени и нервно вдыхала и выдыхала воздух в бумажный пакет с надписью «Кофе, шоколад, мужчины – вот, что должно быть по-настоящему крепким». Нужно отдать должное, Тэрент даже глазом не моргнул. Лишь спокойно поглаживал ее по спине, приговаривая, что все будет хорошо и факт наследования четырнадцати – не миллионов – миллиардов долларов отнюдь не повод для паники. Да уж. Легко сказать. Он, вероятно, знает, что делать с четырнадцатью миллиардами. Теперь, на месте, он, кажется, почувствовал, как ее охватывает нервная дрожь, и аккуратно взял под руку.

– Нам не стоит заставлять ждать миссис Сейдж, его сына и поверенных. Уверен, они вне себя от желания скорее покончить с формальностями. Так же как и вы, я полагаю.

Вне себя. Метко подмечено. Если бы ситуация была прямо противоположной? Допустим, она неожиданно выяснила, что муж или отец, пусть давно не участвующий в ее жизни, крупнейшая фигура двадцатого века в коммерческих кругах, провел последние годы в рабочих окрестностях Цинциннати, выдавая себя за телемастера-пенсионера, завел дружбу с совершенно чужим человеком, оставил ему практически все, что у него было. Да, в такой ситуации она тоже была бы вне себя.

Наконец она подготовилась к официальному оглашению последней воли Гарри. Завещание зачитывалось несколько раз, в основном в суде. Его пытались оспорить, опровергнуть, обжаловать все, кто был знаком с Гарри при жизни. Однако мистер Тэрент пообещал, что это чтение последнее и проводится главным образом для Грейси. Выглядела она наилучшим образом, сама того не особо зная. Она выбрала чудесный винтажный образ – бежевый костюм эпохи шестидесятых, состоявший из юбки-карандаш и укороченного жакета, который наверняка мог бы быть домашним костюмом Джеки Кеннеди. Даже позаботилась о макияже, уложила волосы в простой, но элегантный французский узел, на этот раз на удивление аккуратный, выбилось всего несколько непослушных прядей. И в сопровождении мистера Тэрента направилась к парадному крыльцу. Пока Тэрент стучал дверным молоточком, Грейси пыталась успокоиться и даже почти убедила себя, что перед ней лишь один из множества загородных домов, в которых ей приходилось бывать. Но попытка потерпела крах, как только дверь перед ними распахнул дворецкий в ливрее, а за его спиной открылся вид внутреннего убранства. Одна только передняя заметно просторнее ее квартиры. Повсюду антикварные вещицы, относящиеся к разным периодам истории, настоящие персидские ковры ручной работы и подлинные произведения искусства.

Грейси попыталась отступить, но Тэрент подтолкнул ее вперед, сообщив дворецкому их имена. Тот пригласил следовать за ним. Они прошли через фойе, миновали зал слева, еще один справа и оказались перед входом в огромную библиотеку. Три стены были практически полностью заняты бескрайними полками от пола до потолка, полными книг в изысканных кожаных переплетах, должно быть, коллекционных изданий. Те очень гармонировали с кожаной мебелью. Окна также высились от пола до потолка, через них открывался дивный вид на сверкающую бликами гладь воды. С тем же успехом Грейси могла бы очутиться в зазеркалье, таким великолепным, но чужим и невероятным был для нее этот мир. Перехватило дыхание, когда она вдруг обнаружила, что в комнате полно людей. Грейси замерла, точно это могло бы помочь остаться невидимой. Мистер Тэрент предупредил, что их ожидает. Ни много ни мало целая армия адвокатов и доверенных лиц с клиентами – бывшими партнерами Гарри по бизнесу и членами семьи. Оказывается, у Гарри осталась вдова и две бывших жены, три дочери и единственный сын.

Один джентльмен окликнул мистера Тэрента, который, удостоверившись, что с Грейси ничего не случится, если несколько минут его не будет рядом, зашагал к нему. Она самостоятельно, в душе радуясь этому, сделала несколько робких шагов в гущу событий.

«Вот видишь, все не так уж плохо». Похоже на обслуживание предсвадебного ужина в кафе богатых жениха и невесты. За одним исключением, там она была бы на заднем плане, здесь же предстояло стать центром внимания.

Четырнадцать миллионов. Да, миллионов – не миллионов – долларов.

Грейси вновь запаниковала. Вдруг откуда-то из-за спины послышался мягкий бархатистый голос:

– Знаете, как отличить скопление влиятельных фигур в дорогих костюмах от стаи кровожадных шакалов?

Она обернулась и увидела устремленные на нее самые прекрасные на свете голубые глаза. Остальные черты лица мужчины оказались ничуть не менее привлекательными. Красиво очерченные черные как смоль брови, аристократический нос, подбородок, точно высеченный из камня рукой искусного скульптора, губы, не слишком тонкие, не слишком полные, словом, практически идеальные. На лоб падала прядь непокорных черных волос, благодаря которой он выглядел словно герой изумительных фильмов сороковых годов, только что сошедший с экрана.

Грейси поторопилась дорисовать в своем воображении его образ, одновременно делая вид, будто не замечает, как он проделывает то же самое, разглядывая ее. У него были широкие плечи, довольно тонкая талия, кроме всего прочего, улавливалось что-то интригующее и даже дерзкое. Грейси не могла определить марку одежды, однако костюм с изящной выделкой в темно-серую полоску явно результат трудов одного из самых дорогих дизайнеров. Он не выглядел кровожадным шакалом.

– Нет, не знаю. Как же их отличить?

Он ухмыльнулся, отчего стал ослепительным и неотразимым. Грейси держалась из последних сил, стараясь не лишиться чувств.

– Это невозможно.

Она тихонько рассмеялась, и напряжение, которое нестерпимо сковывало ее последнюю неделю, впервые стало отступать. Она была безмерно благодарна этому человеку. Хотя, несомненно, оценила прочие его достоинства. И весьма высоко.

– Вы ведь из числа «фигур в дорогих костюмах».

– Исключительно потому, что так диктуют профессиональные требования.

И, демонстрируя нежелание следовать этим требованиям, он ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, чем-то напомнив ей Гарри, который знал, что есть

вещи важнее одежды и внешнего вида и насколько интереснее жить не угождая, заискивая и оправдывая надежды всякого, кто имел смелость их возлагать.

– Не хотите ли кофе, печенье или что-нибудь в этом роде?

– Нет, спасибо. Все и так хорошо. Но если вы хотите. – Автоматически сработала привычная реакция официантки, она стала торопливо говорить о том, что принесет чашечку кофе и печенье. Он не выказал желания, чтобы она делала это для него.

– Нет, мой лимит на сегодня тоже исчерпан.

Казалось, беседа вот-вот иссякнет. Грейси изо всех сил отчаянно старалась не отпустить единственного потенциального друга. В конце концов выпалила первое, что пришло в голову:

– Как вам дом? Эта комната? Вид из окна? Здесь просто роскошно, да?

Вопросы, казалось, поставили его в тупик. Он обвел взглядом библиотеку, словно здесь впервые, но, судя по всему, впечатлен не так сильно, как она.

– Здесь совсем неплохо. Комната, на мой вкус, выглядит немного формальной и холодной, вид из окна скучноват.

«Едва ли найдется хотя бы несколько оригиналов, не мечтавших о доме столь великолепном, как этот». Грейси не намеревалась сохранить за собой этот дом. Или прочее из того, что оставил ей Гарри. Четырнадцать миллиардов долларов – слишком большие деньги для одного человека. Однако она не могла не восхищаться невероятной красотой этого места.

– Каков же дом в вашем представлении?

– Для меня это большой город, множество ярких огней. Я живу на Манхэттене с тех пор, как начал учиться в колледже, и никогда не уеду оттуда.

Его страсть к стремительному ритму отнюдь не подходила образу, который несколько минут назад показался ей похожим на Гарри. Она постаралась не выдать разочарования.

– Хорошо.

Однако ее старания, очевидно, не увенчались успехом.

– Вас это, кажется, удивляет.

– Пожалуй, да. Немного.

– Почему?

– Возможно, я думала о том, как вы напоминаете человека, с которым прежде была знакома. А он отнюдь не из тех, кого влекут яркие огни и большие города.

По крайней мере, Гарри не был таким в пору их дружбы. Но ведь он прожил долгую жизнь до знакомства с ней. Кто знает, каким он был? Ничто из того, что она узнала о нем на прошлой неделе, не походило на правду о человеке, которого она считала другом на протяжении многих лет. Казалось, ее новый знакомый насторожился еще больше.

– Старый приятель?

– Скорее, пожилой. Он был мне как дедушка.

Ее собеседник заметно расслабился, но по-прежнему выглядел слегка смущенным, отчего казался еще милее.

– Послушайте, если мужчина старается произвести впечатление на красивую девушку, с которой только что познакомился, вряд ли ему понравится сравнение с ее дедушкой.

Значит, он думает, что она красива? Старается произвести впечатление? И вслух признался в этом? Знает ли он, что ничто, кроме, пожалуй, обворожительной улыбки, не сводит ее с ума так, как мужчины, способные говорить честно и откровенно? Тем более довелось знать очень немногих, обладающих этим качеством. Только Гарри.

– Я... Я имела в виду... Я не...

Казалось, ему доставляло удовольствие то, как ловко удалось лишить ее дара речи. Он не выказывал откровенного самодовольства и дерзости, но был явно рад своему успеху.

– Значит, вы не из тех, кто любит большие шумные города?

Грейси мысленно поблагодарила за то, что он сменил тему и задал вопрос, на который она в состоянии ответить.

– Не совсем так. Я хочу сказать, что всю жизнь жила в крупных городах, но никогда в самом центре. Девушка с окраины.

Она никогда не знала отца, жила и росла в скромной съемной квартире, тем не менее ее жизнь не слишком отличалась от жизни друзей из частных домов с уютными дворами, с обоими родителями, братьями и сестрами. Ее мать активно участвовала в школьной жизни и была лидером ее скаутского отряда. Несмотря на более чем скромный доход, Мэриан Самнер всегда находила средства на летние каникулы, уроки фортепиано и занятия гимнастикой.

В детстве Грейси каждое лето проводила играя и забавляясь в парке, осенью прыгала в кучах золотых листьев, зимой лепила снеговиков, а весной каталась на велосипеде. Ничего примечательного. Обычное детство девочки с окраины.

Новый друг снова рассматривал ее, правда, сейчас его, очевидно, занимала не внешность.

– Сначала мне показалось, что вы тоже предпочитаете городской стиль. Ваш костюм слегка несовременен, но в Ист-Виллидж или Вильямсбурге смотрелся бы просто отлично.

Он затих прежде, чем успел завершить анализ, и стал изучать ее еще более увлеченно и заинтересованно. В ее груди разливался жар, постепенно распространяясь, и вот она уже явственно чувствовала, что каждая клеточка тела будто объята огнем. Казалось, вся комната замерла в звенящей тишине, все вокруг исчезли, оставив их наедине в бесконечном головокружительном мгновении. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного. Точно земля ушла из-под ног. Но было приятно.

– Теперь я думаю, вы, возможно, напоминаете добрую девушку, живущую по соседству.

– Знаете, если девушка старается произвести впечатление на привлекательного мужчину, вряд ли ей понравится сравнение с чем-то незатейливым, как стакан молока.

Причудливые чары развеялись. Оба негромко рассмеялись, но она подозревала, что этот смех вызван не только остроумным замечанием, но и томительным напряжением, которое наконец миновало.

– Вам придется вернуться на работу после этого мероприятия или вы свободны и сможете пообедать со мной?

Несмотря на то что они весьма успешно обменивались ироничными шутками, приглашение стало для Грейси полной неожиданностью. Миллионы вопросов пронеслись в голове, она не имела представления, как ответить хотя бы на один из них. Как случилось, что утро, начавшееся дурным предчувствием, заканчивалось пикантным флиртом? Кто этот человек? Как мог настолько понравиться ей после сиюминутного знакомства? И как, черт возьми, она могла принять его приглашение пообедать вместе, когда жизнь готова вот-вот перевернуться, взорваться, как атомная бомба?

Она попыталась ответить хоть что-то членораздельное и осмысленное, но получилось только:

– Пообедать? Я? На работу?

Ему определенно нравилось наблюдать, как легко он выводит ее из равновесия.

– Да, пообедать. Да, вы. Что же до вашей работы, на какую фирму вы работаете? Быть может, я смогу замолвить за вас словечко. Я знаю большинство этих людей. Кое-кто из них даже обязан мне.

– Фирму?

– Да, юридическую фирму, представляющую интересы моего отца? Впрочем, это уже не интересы моего отца. Больше не его. С тех пор как эта гадкая, коварная, лживая охотница за деньгами поймала его на крючок. Но мы с мамой не собираемся сдаваться без боя.

На Грейси, точно гром среди ясного неба, снизошло озарение. Человек, с которым она так мило беседовала, сын Гарри. Гаррисон Сейдж Третий. Тот, кто, судя по собственному утвер-

ждению, должен был вместе с матерью унаследовать львиную долю состояния отца. Тот, кому Грейси помешала претворить эти планы в жизнь.

Следующим потрясением стали его слова о гадкой, коварной и лживой охотнице за деньгами. Вот, значит, каково его представление о ней? О женщине, твердо намеренной раздать практически все до последней монетки, все четырнадцать миллиардов долларов, которые доверил ей Гарри?

Да, мистер Тэрент поведал ей о желании Гарри истратить большую часть состояния на то, чтобы сделать мир лучше, но еще до этого Грейси решила поступить именно так. Не хотела брать на себя серьезную ответственность, которую несут столь огромные деньги. Не хотела огласки, тем более что слава досталась бы весьма дурная. Не хотела шума и распрей. Всего этого ужаса.

Да, до прошлой недели она отчаянно старалась сводить концы с концами, но это удавалось. Она довольна своей жизнью в Сиэтле и счастлива. У нее веселые друзья, уютная квартира и неплохая работа. Она непреклонно двигалась к своей цели – успешно завершить обучение. У нее были надежды на будущее и оптимистичный взгляд на каждый новый день. Однако, узнав о наследстве, она каждое утро просыпалась с болью в животе от постоянного беспокойства и страха, каждый вечер засыпала, приняв таблетку. Днем неизменно была нервозна и замкнута.

Большинство, конечно, решили бы, что она сошла с ума, но Грейси действительно не хотела быть миллиардером. Даже миллионером. Ей хотелось лишь жить в достатке и не волноваться о самом необходимом. Есть ли в этом смысл? Для нее – определенно. А вот для сына Гарри...

Она попыталась объяснить Гарриону Сейджу Третьему достаточно кратко и убедительно, что ни одно из определений, которыми он ее наделил, несправедливо. Но в этой ситуации много непонятного. И как донести до него то, в чем сама не разобралась?

– Я, хм... послушайте... – Она заставила себя улыбнуться, но улыбка явно вышла натянутой и неестественной, как и попытка заговорить. Грейси попробовала еще раз. – Видите ли, я хочу сказать... Дело в том, что...

Господи! Такими темпами она скорее встретится с Гарри на том свете, чем сформулирует осмысленное предложение. «Просто возьми и скажи все на одном дыхании», – велела она себе.

– На самом деле мне не нужно возвращаться на работу после этого.

Неплохое начало. Вовсе не упоминать правду. «Так держать, Грейси!»

Выражение лица Гарриона тотчас стало радостным и удовлетворенным.

– Превосходно. Вам нравится тайская кухня? На Сорок шестой Вест-Стрит недавно открылось чудесное место. Вам непременно придется по душе.

– Да, мне нравится тайская кухня.

«Ну, давай же, Грейси, скажи ему все».

– Отлично. Кстати, я Гаррион. Гаррион Сейдж. На случай, если вы еще не успели догадаться.

Грейси едва сдержала сдавленный мучительный стон.

– Кажется, уже догадалась.

– А вы?

«Я гадкая, коварная, лживая охотница за деньгами. Рада знакомству».

– Я... Я Грейси.

Она надеялась, что это имя достаточно распространено, и он не проведет параллель с женщиной, которую, вероятно, ненавидит с испепеляющей страстью, какой хватило бы на тысячу солнц. А вдруг уже провел? Что-то мелькнуло в его лице, ставшем вдруг каменным, во взгляде, теперь суровом и неотвратимом. Он сжал челюсти.

Да и температура воздуха в комнате, казалось, внезапно возросла до четырнадцати миллиардов градусов.

Глава 2

Должно быть, он ослышался. Возможно, она не говорила, что ее зовут Грейси. Вероятно, представилась Стейси. Или Трейси. Или Мейси. Грейси – уменьшительное от Грейс. А Грейс – женщина, пользовавшаяся своими низкими сексуальными ухищрениями, чтобы соблазнить незащитного старика, манипулировать им и заставить изменить завещание, оставив ей практически все, что у него было.

«Неужели та самая женщина?» – думал он, в очередной раз пристально рассматривая ее. Он ожидал, что это будет горластая, вульгарно накрашенная блондинка в короткой юбке, тесной кофточке, на непомерно высоких каблуках. С пышными волосами, длинными ногами и с невероятных размеров...

Он не ожидал, что она будет выглядеть точно героиня, сошедшая со страниц сказочной книги. Такое впечатление произвела на него эта девушка, едва войдя в комнату. Она была будто из другого мира, грациозное волшебное создание, совершенно чужое в сборище гадких троллей. Изящная и хрупкая, с макияжем, если и был таковой на лице, не заметным глазу. Отдельные пряди волос цвета золотистого осеннего заката выбились из аккуратного узла, будто нарочно, казалось, что заставить копну ее волос рассыпаться по плечам может лишь прикосновение волшебной палочки.

И когда он успел стать неистовым романтиком и поэтом? Золотистый осенний закат? Прикосновение волшебной палочки? Какого черта в голову лезут подобные мысли о женщине, которая ограбила семью, присвоив наследство, по праву принадлежащее им? Какого черта вообще подобные мысли? Куда, черт возьми, подевался тестостерон?

С другой стороны, теперь понятно, почему отец был так слепо очарован ею. Очевидно, эта мошенница достигает лучших результатов в образе чистой непорочной девушки, а не сногсшибательной блондинки. Он тоже чуть не попался в ее ловушку. Не имело значения, каким именно образом она обманывала отца и манипулировала им. По-настоящему важен факт того, что она обвела вокруг пальца одного из самых разумных и расчетливых предпринимателей, убедила повернуться спиной ко всему, чем он дорожил в жизни, кого любил. По крайней мере, настолько, насколько вообще был способен любить кого-то или что-то, кроме своего состояния, коммерческих вкладов и общественного положения. А впрочем, что еще ему было любить? Деньги, власть и статус – вот все, на что можно рассчитывать без опаски. Или, кто знает, было ли что-то дорого ему до тех пор, пока все не скатилось в тартарары, благодаря этой... этой...

Гаррисон отступил, сохраняя хладнокровие, посмотрел Грейс Самнер прямо в глаза.

– Так это вы гадкая, коварная и лживая охотница за деньгами?

Выражение ее лица мгновенно изменилось, было видно, что ей искренне больно это слышать.

– Подумать только, как убедительно! Я думал, вы выше ростом.

Грейси улыбнулась, он бы с готовностью поклялся, что увидел в ее улыбке подлинную тревогу и страх, если бы не знал, что эта женщина прокладывает себе путь, грязно и подло обманывая людей.

– Что ж, меткое попадание – это неплохо.

Гаррисон хотел продолжить, но тут, словно по велению магического заклинания, рядом с Грейси неведомо откуда возник Беннет Тэрент, очередная заноза, непредвиденная помеха в делах семьи Сейдж за последние два года.

– Я вижу, вы уже познакомились с мистером Сейджем.

– Да, – отрезала Грейс, не сводя глаз с Гаррисона.

Тэрент перевел взгляд на Гаррисона:

– Вижу, и вы познакомились с мисс Самнер.

– Да, – так же кратко ответил Гаррисон, не сводя глаз с Грейси.

Повисшая тишина казалась видимой и осязаемой.

– Нам следует пройти на свои места. Скоро начнем.

Гаррисон был не в состоянии сдвинуться с места или хотя бы оторвать взгляд от Грейс Самнер. Черт возьми. Вероятно, она вправду волшебница, и чары ее непреодолимы. Снова и снова силясь сделать хотя бы шаг, он вспоминал обо всем, что ему и матери пришлось пережить за пятнадцать лет с тех пор, как исчез отец. Напомнил себе о том, что мать останется ни с чем по вине женщины, которая по слепой и нелепой случайности обрела шанс высосать все до последней капли крови из богатого взбалмошного старика.

Пятнадцать лет назад, а это половина его жизни, Гаррисон спустился к завтраку. Родители расположились как можно дальше друг от друга. Отец, по обыкновению, зарылся в «Уолл-стрит джорнал», мать просматривала программу Миланской недели моды. Или Парижской. Или какой-нибудь еще чертовой недели высокой моды, о которой он никогда не слышал. Он занял место за столом между ними, удостоверившись, что они достаточно далеко, чтобы не заговорить ни с кем. Не разговаривать друг с другом стало традицией семьи Сейдж.

Так они и завтракали в полной тишине, пока не вошел дворецкий с ежедневным напоминанием о том, что машина отца готова отвезти его на работу, машина матери готова возить ее по магазинам, машина Гаррисона также на месте и доставит его в школу. Все трое отправлялись каждый по своим делам даже не попрощавшись. Так каждое утро. Если бы Гаррисон осознавал, что последний раз видит отца, возможно, мог бы...

Сделать что? Пожелать хорошего дня? Обнять? Сказать: «Я люблю тебя»? Знал ли он вообще в пятнадцать лет, как делается хоть что-то из этого. Он не уверен даже в том, что умеет делать это теперь. Однако тогда мог бы сказать хоть что-то.

Он подавил приступ раздражения и злобы. Хотелось бы, чтобы они с отцом больше говорили друг с другом. Чтобы вообще иногда говорили. Это было крайне сложно, учитывая, что отец девяносто процентов времени проводил на работе, а сын был втянут в неприятности. Гаррисон помнил еще кое-что о том дне. Ночью, накануне исчезновения отца, он прибыл домой на заднем сиденье полицейского патрульного автомобиля, пойманный в одном из винных погребков района Мидтаун с порножурналами и бутылкой крепкого пива.

Спустя пять месяцев после исчезновения отца от одного из поверенных семьи пришла новость о том, что тот найден, но в настоящее время не имеет намерения возвращаться домой. О да, он продолжал поддерживать связь с одним из поверенных и несколькими компаньонами, чтобы дела корпорации «Сейдж холдингс» шли в штатном режиме, а его официально не объявили умершим. Однако он не собирался возвращаться ни к работе, ни к семейной жизни, по крайней мере, в ближайшем будущем. Тем немногим людям, с которыми поддерживал связь, он платил немалые деньги за то, чтобы они ни при каких условиях не выдавали его местонахождение. Лишь сказал, что вернется, когда будет готов. Но так никогда и не вернулся.

Гаррисон снова взглянул на Грейс Самнер, в ее обманчиво прекрасное лицо, бездонные темные глаза. Возможно, двое судей уже вынесли решение о том, что она имела законное право на личное состояние отца. Гаррисон ни в коем случае не собирался сдаваться без боя, твердо намеренный раз и навсегда доказать, ни у кого не оставив тени сомнения, что она не имеет права даже на жалкий цент. Он был настолько уверен, что апелляционный суд примет сторону его семьи, что даже не считал нужным пускать в ход все свои козыри. По крайней мере, до этого момента. Но теперь...

Скоро все узнают, что Грейс Самнер далеко не волшебное неземное создание. Ей самое место в сборище гадких троллей.

Грейси очень хотела сказать сыну Гарри хоть что-то, прежде чем уйти с мистером Тэрентом. Но выражение его лица стало холодным, и она боялась, что бы ни сказала, объяснение или соболезнование, не быть услышанной. Однако не могла просто уйти. Этот человек лишился

отца, причем дважды, не имел возможности хоть как-то возместить эту утрату. Жизнь его семьи полностью перевернулась, и причиной тому завещание Гарри. Грейси полагала, что не имеет права обвинять Гаррисона Третьего за столь недружелюбный прием. Она осмелилась осторожно улыбнуться.

– Сомневаюсь, что поверите, но мне действительно было приятно с вами познакомиться, мистер Сейдж. Мне жаль, что не стало вашего отца. Он был самым добрым, самым порядочным человеком из всех, что я когда-либо встречала.

Не оставив ему шанса ответить, Грейси развернулась и проследовала за мистером Тэрентом в другой конец комнаты. Она расположилась между мистером Тэрентом и двумя адвокатами из его фирмы. Похоже, эти трое намеренно заняли круговую оборону, встав на ее защиту.

Гасу Файверу, второму учредителю компании «Тэрент, Файвер энд Твигг», на вид было лет тридцать. Он выглядел настолько же порядочным и дружелюбно настроенным, насколько Гаррисон Сейдж угрюмым и мрачным. Ренни Твигг, которую мистер Тэрент представил как одну из коллег, по возрасту ближе к Грейси, а значит, ей лет двадцать шесть. Миниатюрная брюнетка, она, казалось, чувствовала себя в форменном костюме менее уютно. Несмотря на крошечный изящный шиньон и безупречный маникюр, больше походила на женщину, которой много приятнее работать вне душных стен, предпочтительно там, где можно носить свободную клетчатую фланелевую рубашку.

Остальные были либо каким-то образом связаны с самим Гарри, либо являлись доверенными лицами, представлявшими чьи-то интересы. Напротив Грейси, будто нарочно, расположились члены семьи Гарри и их адвокаты. Кроме Гаррисона Сейджа Третьего, там сидели его мать и вдова Гарри, Вивиан Сейдж, не говоря уже о сборище бывших жен и любовниц и полудюжине детей, трое из которых даже были законнорожденными. Гарри оставил немного некоторым из них, но основная часть состояния – каждый кирпичик, байт информации, доллар – досталась ей. У нее снова перехватило дыхание. О господи, где же тот бумажный пакет, в который можно подышать, когда он так нужен?

Все расселись по местам, и в комнате воцарилась тишина. Беннет Тэрент обратился к собравшимся.

– Благодарю всех за то, что пришли. Эта встреча – необходимая формальность, судом уже установлено, что имущество мистера Сейджа...

– Постановление суда еще не означает, что его нельзя обжаловать, – перебил Гаррисон Сейдж, прогремев так, что Грейси невольно вздрогнула. – В течение следующих двух недель мы планируем подать апелляцию.

– Не могу представить, каким образом это может принести пользу. Одна апелляция уже подтвердила первоначальное решение суда, вынесенное в пользу мисс Самнер. Если не будет обнаружено никакой новой информации, любая дополнительная апелляция подкрепит постановление суда.

Гаррисон открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но его адвокат, мужчина примерно одних лет с мистером Тэрентом и похожий на него манерой поведения, сдержал этот порыв.

– Новая информация непременно будет обнаружена, – подтвердил он.

Мистера Тэрента это, казалось, ничуть не беспокоило.

– Мистер Лэндис, уже дважды было определено, что Гаррисон Сейдж-младший находился в здравом уме и твердой памяти, когда завещал подавляющую часть своего частного имущества Грейс Самнер. Очередная апелляция будет лишь...

– На этот раз мы, определенно, опровергнем это, – недвусмысленно заявил мистер Лэндис. – И докажем не только то, что Грейс Самнер оказывала на него чрезмерное влияние и даже давление, вступая с ним в сексуальную связь, но и то...

– Что? – На этот раз его прервала Грейси. Мистер Лэндис откровенно проигнорировал ее, она почти физически ощущала жар от испепеляющего взгляда Гаррисона Сейджа.

– Мы докажем не только то, что Грейс Самнер оказывала на него чрезмерное влияние и давление, вступая в сексуальную связь, но и то, что он заразился от нее заболеванием, передающимся половым путем, которое и стало причиной его умственной недееспособности.

– Что? – Грейси начала подниматься со стула, но Гас Файвер мягко опустил руку ей на плечо, призывая не обращать внимания на голословные заявления. Превозмогая порыв возмущения, Грейси заставила себя немного успокоиться. Если бы одним лишь взглядом можно было убить, взгляд, брошенный на Гаррисона Сейджа, не оставил бы от него ничего, кроме жалкой горстки пепла.

Особенно после того, как его адвокат подытожил:

– Она использовала секс, чтобы хладнокровно соблазнить и сделать недееспособным и без того достаточно хрупкого пожилого человека, а затем воспользовалась его ослабленным истощенным состоянием, чтобы убедить завещать все средства и активы ей одной. Мы найдем частного следователя, чтобы собрать необходимые свидетельства, поскольку именно они недавно обнаружили.

– Понимаю, – ответил мистер Тэрент. – Или, быть может, именно эти сведения вы буквально на ходу выдумали в тщетной безнадежной попытке выиграть.

Грейси, замерев, думала о том, как все это невероятно и неправдоподобно. Даже если бы она знала, что Гарри обладатель такого богатства, ни за что не воспользовалась бы им. И уж конечно, не стала бы применять незаслуженно упомянутых сексуальных приемов, у нее и одного-то не было, не говоря уже о множестве. Настоящая крепкая дружба дороже денег, да и найти ее гораздо сложнее. А эти их определения – недееспособный, истощенный. Это они о Гарри? Боже мой, да он был полон энергии и сил до той самой минуты, пока эта чертова аневризма не убила его.

Мистер Тэрент встретил взгляд противостоящего ему адвоката спокойно и невозмутимо.

– Гаррисон Сейдж-младший лично внес изменения в завещание в офисе своих поверенных, двое из которых присутствуют в этой комнате. Им была предоставлена справка от врача, подтверждающая отличное состояние здоровья, умственного и физического, кроме того, врач прибыл в офис, дабы засвидетельствовать это. Намерения вашего отца были кристально чисты и открыты. Он действительно хотел, чтобы Грейс Самнер унаследовала большую часть его состояния и имущества. Двое судей подтвердили это своим решением. Следовательно, мисс Самнер станет наследницей основной части имущества Гаррисона Сейджа-младшего. А теперь следующее. В день, когда внес последние поправки в офисе своих поверенных, мистер Сейдж также записал видео, адресованное мисс Самнер, своей семье, своим компаньонам и их официальным представителям. Ренни, будьте добры.

Ренни Твигт направила пульт на телевизор. Уже через секунду на экране появилось лицо Гарри. Сердце Грейси сжалось. Он был совсем не похож на того Гарри, которого она помнила. В костюме и галстуке, как на всех присутствующих здесь, однообразном и официальном, противоречащем мешковатым брюкам цвета хаки и просторным толстовкам, что он неизменно носил в Цинциннати. Волосы, обычно растрепанные, подстрижены и уложены рукой профессионала. Выражение лица твердое и суровое, взгляд хладнокровный. Он выглядел как магнат, миллиардер, управляющий гигантскими корпорациями. Мрачно серьезный, безжалостный и враждебный. И вдруг улыбнулся, искренне и обезоруживающе, как добрый Санта-Клаус, озорно подмигнув. Теперь Грейси была уверена, что это тот самый Гарри, которого она знала и любила. И неожиданно почувствовала себя гораздо лучше.

«Привет, Грейси, – произнес он таким же игривым тоном, каким всегда приветствовал ее. – Жаль, что нам пришлось встретиться таким вот образом, милая. Это означает, что я мертв».

Глаза Грейси наполнились непрошеными слезами. Она искренне скучала по Гарри. Он стал для нее другом, самым лучшим из всех. Не задумываясь, она тихонько пробормотала:

– Здравствуй, Гарри.

Все взгляды мгновенно устремились к ней, но ей не было до этого дела. Пусть думают, что она сумасшедшая. Ей казалось, будто Гарри здесь, рядом с ней, хотя прошло немало времени с тех пор, как она могла говорить с ним.

«И если ты смотришь это, значит, уже знаешь правду о том, кто я на самом деле, и в данную минуту сидишь в одной комнате с членами моего истинного племени. Я знаю по собственному опыту, какой головной болью может оказаться все это, а потому постараюсь быть максимально кратким. Слушай, милая. Надеюсь, ты не испугалась до полусмерти, узнав, сколько я оставил тебе. Прости, что пока был жив, не сказал правды о себе. Но к тому времени, когда встретил тебя, я уже был скорее Гарри Сагаловски, чем Гаррисон Сейдж, так что, в каком-то смысле, вовсе не лгал тебе. В любом случае Гаррисон наверняка тебе не понравился бы. Он был той еще занозой».

Над последними словами Грейси рассмеялась вслух. Это так похоже на Гарри. Едва почувствовав на себе взгляды присутствующих, вновь единодушно обратившиеся к ней, она прикусила губу, чтобы предотвратить подобные недозволенные порывы. Впрочем, они не дозволены лишь в кругу этих людей. Гарри отнюдь не смутила бы такая реакция.

Он продолжил:

«Именно поэтому мне и захотелось больше не быть Гаррисоном. В один прекрасный день я вдруг осознал, насколько далеко ушел от собственных истоков, корней, как много потерял из того, что делало меня самим собой. Люди обожают истории вроде моей, о тех, кто выбрался из грязи в князи. Только в них нет ни слова о том, как много приходится приносить в жертву, пробираясь по непростому пути, и, как правило, жертвовать своими нравственными принципами, совестью, характером».

Услышав это, Грейси будто взглянула на все иначе. Она никогда не слышала, чтобы Гарри говорил так серьезно. Он становился все более серьезным и сосредоточенным, подходя к тому моменту, когда оставил прежнюю жизнь и стал не более чем номинальным главой своих компаний, о том, что семейная жизнь стала совсем несчастливой, и единственное, чего он хотел, – исчезнуть. В конце концов он оставил работу, семью и свое до неприличия роскошное поместье на Лонг-Айленде, взял фамилию своих предков, которые сменили ее еще несколько поколений назад, и переехал в рабочие окраины Цинциннати, где когда-то вырос.

Грейси бросила взгляд в другой конец комнаты, где сидели Вивиан и Гаррисон. Те смотрели на экран с абсолютно одинаковыми лицами, выразившими одновременно раздражение, недоумение и что-то еще, чему она не смогла подобрать определения. Она старалась проникнуться сочувствием. Представить не могла, что они чувствуют, ведь муж и отец забыл об их существовании на целых пятнадцать лет, а затем лишил наследства. Она полагала, что в какой-то мере их чувства к Гарри оправданны. Однако, быть может, им стоило хотя бы на минуту задуматься о мотивах его поступка. Он был не из тех, кто отворачивается от людей, если они не дали на то повода.

С видеозаписи вновь послышался голос Гарри, снова завладевший вниманием Грейси.

«Вивиан и Гаррисон, эта часть моей речи для вас. Миллиарды долларов – слишком много для кого бы то ни было, для любого. Грейси Самнер – человек, способный понять всю непомерную ответственность, которую несут эти огромные деньги, и она распорядится ими правильно. Не оставит себе. Я ее знаю. Она избавится от них так скоро, как только сможет, и непременно убедится, что они попали в руки тех, кто действительно нуждается в них».

После этих слов Грейси осмелилась еще раз взглянуть в противоположный конец комнаты. Вивиан Сейдж. Ее волосы отливали серебром, костюм блестел золотом, запястья сверкали драгоценными камнями всех цветов радуги. Она, казалось, готова разрыдаться. Гаррисон смотрел на Грейси. Впрочем, выражение его лица прочесть было сложнее. Возможно, он думал

о том, где пообедать, когда все закончится, или где лучше спрятать ее тело. Грейси не могла об этом даже догадываться.

Слава богу, очередное упоминание ее имени стало неплохим поводом снова обратить внимание на экран.

«Грейси, эта часть для тебя. Я мог бы и сам передать деньги на благие дела, избавив тебя от проблем. Но я не такой хороший человек, как ты, а значит, ты лучше меня знаешь, что делать с презренным металлом. И все же, послушай меня, милая. Эта, последняя часть чрезвычайно важна. Какую-то часть денег оставь себе. Я хочу этого. Купи себе одну из этих забавных маленьких машин, которые тебе нравятся. Или дом у воды. Съезди в Испанию, ведь ты давно мечтала об этом. Сделай хоть что-нибудь. Ты обещаешь?»

И снова Грейси ощутила, как все взгляды сосредоточились на ней. Ей казалось неправильным брать себе деньги Гарри, пусть даже скромную сумму. После первой встречи с мистером Тэрентом она вернулась домой и тотчас зашла в Гугл. В каждой статье, где упоминался Гаррисон Сейдж-младший, его всюду определяло богатство. Он неизменно значился как «миллиардер Гаррисон Сейдж-младший». Даже после исчезновения, даже когда к описаниям прибавилось слово «затворник», ему все также предшествовало неизбежное «миллиардер». В своей прежней жизни он был в первую очередь богачом. Все остальное второстепенно. Грейси не хотела быть одной из тех, кто в связи с его именем видел только значок доллара. Особенно после того, как он дал ей так много.

«Обещай мне, Грейси, – повторил он, очевидно, зная о том, что она будет сомневаться».

– Хорошо, Гарри. Обещаю.

«Вот так, моя девочка». – Гарри подмигнул. Попрощался. Экран стал темным и безмолвным.

Вновь подступили слезы. Она торопливо достала из сумочки носовой платок и промокнула глаза. Гаррисон Сейдж медленно и громко захлопал в ладоши.

– Что ж, отлично сработано, мисс Самнер. Ваше представление определенно достойно награды. Теперь я вижу, как вы окрутили моего отца.

– На вашем месте, мистер Сейдж, – вмешался Беннет Тэрент, – я бы выбирал выражения в разговоре с женщиной, владеющей особняком на Лонг-Айленде, который ваша матушка привыкла считать своим домом.

Грейси наконец внезапно осознала, какая власть оказалась в ее руках. Действительно, она на законных основаниях могла вышвырнуть Вивиан Сейдж на улицу и переехать в дом сама. Именно так поступила бы та гадкая, коварная, лживая охотница за деньгами, которая посредством сексуальных ухищрений без зазрения совести воспользовалась беззащитным стариком.

– Мистер Тэрент, что мне нужно сделать, чтобы передать дом со всем содержимым миссис Сейдж? Это ее дом и должен принадлежать ей, а не мне.

Гаррисон Сейдж осторожно обвел ее глазами, едва услышав сказанное, но воздержался от комментариев. В выражении лица Вивиан что-то немного смягчилось.

– Нужно всего лишь составить необходимые документы. Сегодня среда, уверен, можно подготовить все к концу следующей недели. Если вы, конечно, не против задержаться в городе немного дольше.

Грейси тихо вздохнула. Поместье Гарри на Лонг-Айленде, должно быть, стоило десятки миллионов долларов, а его содержимое и того больше. Однако избавление даже от такой небольшой части богатства позволит почувствовать приятную легкость.

– Я совсем не против задержаться в городе. Это здорово. Я никогда раньше не была в Нью-Йорке. Вы могли бы порекомендовать мне отель? Какой-нибудь не слишком дорогой. Тот, в котором я проживаю сейчас, слишком роскошный, но я планировала побыть здесь не больше двух суток.

– Это Нью-Йорк, Грейси. Здесь нет понятия «не слишком дорогой».

– Ах, я уверена, вы вовсе не хотите оставаться в городе, – вдруг вмешалась Вивиан. – Дорогая, здесь невыносимо шумно и многолюдно. Лучше остановитесь на это время у нас, в Хэмптонс². В июне там особенно красиво. Мы чудесно проводим эти летние вечера.

Гаррисон посмотрел на мать так, словно у нее вдруг появилась вторая голова:

– Ты это не серьезно?

Грейси тоже решила, что Вивиан, должно быть, шутит. Еще минуту назад та смотрела так, будто хотела, чтобы она вспыхнула, объятая пламенем, бесследно сгорела, а теперь предлагала остановиться в своем доме? Почему? Может быть, хочет задушить Грейси во сне?

– Я серьезно. Если Грейс – вы ведь не возражаете, дорогая, если я буду вас так называть, – так вот, если Грейс так добра, что готова оставить мне мой дом, меньшее, что могу для нее сделать я, – предоставить уютное пристанище, вместо старых душных отелей. Ты так не думаешь, Гаррисон?

Возможно, Грейси не хотела знать мнение Гаррисона. Однако выражение его лица было слишком красноречивым.

– Пожалуйста, Грейс, – настаивала Вивиан. – Для всех это стало нелегким испытанием, огромным потрясением. Мы явили себя не с лучшей стороны, позвольте нам реабилитироваться. Вы сможете поведать, как встретились с моим мужем, каким он был в Цинциннати, а мы расскажем о его жизни до встречи с вами.

Грейси пребывала в растерянности, не зная, как реагировать. Неужели Вивиан действительно столь мила и учтивая? Неужели и вправду хочет наладить дружеские отношения? Или это подготовка к тому, чтобы задушить ее во сне? Загадка.

Грейси задумалась в поисках ответов. Она владела миллиардами всего неделю, а уже увидела в людях самое худшее. Именно поэтому решительно не хотелось становиться богатой. Чтобы не относиться с подозрением к каждому, кто встречался на пути.

Без сомнения, Вивиан просто мила с ней. И конечно, хочет наладить дружеские отношения. Безусловно, интересно услышать историю жизни Гарри до того, как он встретил ее. Грейси всегда подозревала, что он не рассказывал ей о себе, боясь утомить и наскучить. Должно быть, жизнь его была увлекательной и даже захватывающей.

Отчего-то эта мысль заставила вновь взглянуть на Гаррисона. В его взгляде уже не было ярой неприязни, Грейси даже заметила в нем некоторое сходство с отцом. Голубые глаза, угловатый подбородок. Правда, Гаррисон-сын дюйма на три выше и определенно шире в плечах. Интересно, есть ли у него еще что-то общее с отцом. Любит ли он бейсбол, так же как Гарри, обладает ли столь же дерзким чувством юмора? Предпочитает ли пироги тортам? Умеет ли готовить чили и виртуозно танцевать фокстрот?

Почему-то внезапно захотелось выяснить все это.

– Хорошо. – Она не успела толком осознать, что приняла решение. – Очень мило с вашей стороны открыть для меня двери вашего дома, миссис Сейдж. Большое спасибо.

– Зовите меня Вивиан, дорогая. Уверена, не пройдет и недели, как все мы станем хорошими друзьями.

Грейси отнюдь не была в этом уверена. Но казалось, Вивиан искренна. По крайней мере, действительно могла стать другом. Но Гаррисон? Что ж, в отношениях с ним придется надеяться на лучшее.

И несомненно, готовиться к худшему.

---

² Престижный пригород Нью-Йорка.

Глава 3

Проснувшись в поместье на Лонг-Айленде на второй день, Грейси чувствовала себя почти так же некомфортно, как и накануне. Возможно, чуточку лучше. Ужин с Вивиан прошлым вечером – Гаррисон вполне предсказуемо на нем не присутствовал – прошел в весьма учтивой и почти непринужденной обстановке, хотя Грейси и не была особенно разговорчива. Однако утром по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке. Вероятно, так оно и есть. Спальня, в которой Вивиан пригласила расположиться, размером практически с ее квартиру в Сиэтле. Бог мой, одна кровать размером с ее квартиру в Сиэтле. Потолок светло-голубой, легкие, едва заметные белые облака, нарисованные на одной стороне, постепенно исчезали, превращаясь в сумеречное небо, усыпанное звездами, в другом конце комнаты. По шелковистогладкому полу из твердых пород дерева разбросаны ковры с мягкой бахромой по краям и изображениями цветов, мебель и гардины вполне могли происходить из Версальского дворца.

Как мог Гарри жить в таком доме? Совсем на него не похоже. Его квартира была обставлена старой обветшалой мебелью, ковры выцвели и протерлись. Стены украшали сувениры и памятные вещицы с символикой бейсбольной команды «Цинциннати Редс», старые афиши джазовых концертов на Гринвич-Виллидж и парочка рисунков кокер-спаниелей, вырванных из раскрасок. Гарри обожал эту квартирку.

В том старом пригороде за окнами не было слышно шепота океанских волн и размеренного шума прибоя. Не было здесь ни теплого, терпко-соленого океанского бриза. Ни уединенных пляжей. Ни дома, подобного сказочному дворцу. Здесь тесно и дружно толпились старые усталые домишки, искренне любимые своими хозяевами. В трещинах разбитых тротуаров прорастали жизнелюбивые фиалки. Здесь в маленьких комнатах проходили целые жизни людей, тяжело трудившихся до последнего вздоха, но и знавших настоящую радость жизни. Жизнь. Вот что царило в старом пригороде, и было так дорого ей и Гарри. Настоящая жизнь. Привычная и единственно возможная, как она думала, для Гарри.

Почему человек, который мог позволить себе иметь и делать все, что пожелает, вдруг оставил все это ради жизни в крохотной квартирке на окраине, среди простых рабочих, за шесть сотен миль от дома? Гарри Сагаловски, как предполагалось ранее, телемастер на пенсии, оказался большой интригующей загадкой.

По какой-то необъяснимой причине то же самое она постепенно начинала думать о его сыне. Гаррисон Сейдж в определенной степени тоже представлял собой загадку. Был ли он очаровательным игривым мужчиной, которого она встретила вчера в библиотеке? Или это озлобленный молодой человек, которого убедили в том, что она беззастенчиво и жестоко воспользовалась его отцом? И почему так важно заверить его в том, что она не делала этого и вообще не способна на такое?

«Ничего, сегодня будет лучше», – убеждала она себя. Сегодня они с Гаррисоном и Вивиан смогут узнать друг друга в новом, более выгодном свете. Подходящий день, чтобы начать все сначала. Наверняка он испытывает те же чувства, даст шанс доказать, что она не имеет ничего общего с той личностью, какой он ее представлял. Да, он обязательно даст ей шанс.

Гаррисон намеренно опаздывал на завтрак, надеясь, что к тому времени, как появится, Грейс Самнер уже уйдет, возмущенная тем, что ей выказывают мало почтения, ведь теперь она богаче и важнее, чем девяносто девять процентов населения всего мира. Однако когда он вышел на террасу, свежий и бодрый после душа, обнаружил Грейс с матерью возле бассейна. Хуже того, они задорно смеялись, как обыкновенно смеются женщины, неожиданно выясняя, что обе в чем-то заблуждались, а теперь вдруг все прояснилось.

Черт возьми, как же очарователен смех Грейс Самнер, искренний, раскованный и неприторный, словно ей часто приходится вот так же звонко смеяться в кругу друзей.

Его мать сидела по одну сторону стола, все еще в пижаме и халате, Грейс с другой стороны, совсем не похожая на отчаянную охотницу за деньгами, напротив, выглядела как девушка, живущая по соседству. По крайней мере, так он представлял себе девушку по соседству. Именно этот образ всегда появлялся в кино: свежая и цветущая, очаровательная и невинная. В реальности он никогда не встречал подобной девушки, поскольку те, среди которых он вырос, неизменно походили, откровенно говоря, на охотниц за деньгами.

Но Грейс Самнер совсем другая. Блестящие волосы в тот день были забраны в хвост, несколько прядей выбились из прически на висках и затылке, беззастенчивый утренний бриз задорно играл ими. Гаррисон едва сдерживался, чтобы не пригладить манящие непокорные локоны. Очень хотелось наблюдать, как ветер вновь закружит их в танце. Ее безупречное лицо словно купалось в свете утреннего солнца, наполнявшего кожу свежестью и румянцем. Костюм в стиле ретро сменила повседневная одежда, тоже будто из ушедшей эпохи: белая рубашка без рукавов, застегнутая под горло, и причудливые брюки, нечто среднее между брюками и шортами, с крупными круглыми цветами желтого и розового оттенков. Единственное украшение – розовый пластиковый браслет, который, вероятно, обошелся ей минимум в два доллара. Или три.

Если бы не это, он, пожалуй, поверил, что она невиновна в низком обмане отца. С ней нужно оставаться начеку. Будь его отец достаточно разумен и осторожен, ничего не случилось бы.

– О, Гаррисон, а вот и ты! – воскликнула мать, едва увидев его. – Иди скорее к нам. Мы оставили тебе немножко икры. В основном потому, что Грейс не любит икру. Ты можешь себе представить?

Нет, не может. Чтобы женщина, которая мошенническим путем присвоила несколько миллиардов долларов, не любила икру. Правда, говорят, этот деликатес не каждому по вкусу. Но она непременно пристрастится к ней, как только окончательно укрепит свои позиции в новой жизни, которую купила на деньги его семьи.

– Шампанское тоже осталось. Кстати, Грейси тоже не любит коктейль «Мимоза».

Гаррисону он не нравился. Однако он ожидал, что особа вроде Грейс должна употреблять шампанское в любой форме. Эта мысль заставила его опустить взгляд на ее ноги, обутые, вопреки ожиданиям, в простые туфли на плоской подошве, розовые, подходящие к цветам на брюках.

Черт возьми, это работало. Ни одна женщина не могла столь восхитительно и безукоризненно чисто создать образ, который удался Грейс Самнер. Категорически невозможно в этом мире, порочном и продажном. Он решительно отбросил сентиментальность, которой у него, слава богу, было немного, и, вооружившись холодным цинизмом, почувствовал себя более комфортно и защищенно. Да, так намного лучше.

– Доброе утро. – Он расположился между дамами.

– Утро действительно доброе, – ответила Вивиан. – Прошлой ночью я спала гораздо лучше, и все благодаря Грейси.

«Грейси», – повторил про себя Гаррисон. Мать уже трижды употребила это уменьшительное имя. Пожалуй, именно так предложила бы называть себя новым друзьям любая уважающая себя девушка по соседству. Отлично. Мать тоже пала жертвой ее чар.

– Кстати, вчера ты пропустил чудесный ужин. Грейси отдает нам пентхаус на Парк-авеню и все, что внутри его. Она уже позвонила мистеру Тэренту по этому поводу. Разве не мило с ее стороны?

Гаррисон бросил взгляд в сторону Грейс, та смотрела на него с очевидным напряжением.

– Да, конечно.

Должно быть, в его интонации довольно явно читались скептицизм и недоверие, Грейс тотчас уронила взгляд на пальцы, нервно постукивая по столу. К завтраку она практически не

притронулась. Казалось, она должна выглядеть довольной, купаясь в похвалах матери, однако все свидетельствовало о том, что ей неловко и тревожно.

– Так будет правильно. – Она по-прежнему избегала его взгляда. – Гарри хотел, чтобы его семья сохранила за собой места, которые считала своим домом.

– Правильно было бы вернуть все, что оставил тебе отец, его семье, которая в первую очередь должна была унаследовать все это.

Эти слова заставили ее поднять глаза.

– Гарри хотел, чтобы я отдала деньги на благие цели. Именно это я собираюсь сделать.

– Когда?

– Как только вернусь в Сиэтл. Для начала собираюсь встретиться с финансовым консультантом. На данном этапе я понятия не имею, что делать.

Естественно, финансовый консультант. Необходимо выяснить, какими путями можно спрятать несметные богатства на анонимных и офшорных счетах, чтобы никто не смог найти, когда будет принято новое судебное решение в пользу семьи Сейдж. Все это напомнило ему... Гарри обернулся к матери:

– Сегодня утром я говорил с нашим адвокатом. Он нанял частного детектива, чтобы исследовать новые обстоятельства.

Вивиян лишь подняла кофейник, чтобы наполнить чашку сына. Грейс не оставила его без ответа:

– Вы зря тратите деньги. Не только потому, что новые обстоятельства... совершенно бесполезны, но и потому, что я сама буду счастлива рассказать все, что вы захотите узнать обо мне.

Он снова обвел ее пристальным взглядом: темные, искренние глаза, нежный румянец на щеках, чуть приоткрытые губы. Она выглядела как вчера, когда впервые завладела его взором. Он не мог вспомнить ни одной женщины, вызвавшей у него столь незамедлительные и сильные эмоции с первого взгляда. Было в ней что-то такое, отличное от остальных. В его шутке о стае кровожадных шакалов было немало правды. А Грейс Самнер, точно наивная газель с мечтательным взглядом, смело вошла, не понимая, как алчны и беспощадны они могут быть. Только теперь он осознал, что именно безоговорочная доверчивость привлекла его. К тому же, увидев ее, ощутил, будто и он может полностью ей доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.